УДК 9.94 *Д. Н. Иванов*

Сведения об авторе

Иванов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Университет ИТМО, преподаватель истории и обществознания АГ СПбГУ.

E-mail: Ivanov_D_N@inbox.ru

РОССИЯ И ТУРЦИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I: ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Резюме

Настоящая статья посвящена обзору внешнеполитической деятельности императора Николая I в Восточном вопросе и вкратце рассматривает ключевые события и шаги, предпринятые Россией во второй четверти XIX века, которые привели страну к Крымской войне. Основное внимание уделено тому, как Россия, бывшая одной из пяти Великих держав, победителем Наполеона и «жандармом Европы» в начале века к середине столетия оказалась в положении дипломатической изоляции, лишенной не только союзников в войне против коалиции европейских держав, но даже благожелательного нейтралитета со стороны своих ближайших соседей. Несмотря на многочисленные попытки Николая I установить доверительные отношения с Великобританией, она оказывается в стане врагов России. А почти дружественные русско-французские отношения в самом начале 1850-х гг. из-за принципиальности Николая I в вопросе соблюдения договоров, завершивших эпоху Наполеоновских войн, обернулись русско-французским соперничеством за право ремонта христианских святынь на территории Османской империи и стали прологом непосредственно Крымской войны. Вкратце освещена также деятельность России по поддержанию легитимного, с точки зрения русского императора, порядка и образа правления в Австрии и Оттоманской Порте в условиях европейских революций 1848 года, когда Петербург, фактически поступившись своими геополитическими интересами, непосредственно (с помощью вооруженной силы) способствовал подавлению антитурецких и антиавстрийских выступлений ряда славянских народов. И если русско-турецкие противоречия были все равно достаточно сильны, то враждебный по отно-

© Иванов Д. Н., 2015

шению к России нейтралитет Австрии в годы Крымской войны в свете событий 1848-49 гг. может быть расценен как предательство.

Ключевые слова: Крымская война, Восточный вопрос, Николай I, Пальмерстон, Луи-Филипп, Наполеон III.

D. Ivanov

Information about the author

Ivanov Dmitry Nikolaevich — Ph.D. in History, Associate Professor, department of Social and Human Sciences, ITMO University, Lecturer of History and Social Studies, Academic Gymnasium of Saint Petersburg State University. St-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: Ivanov_D_N@inbox.ru

TURKEY AND RUSSIA IN THE REIGN OF NICHOLAS I: FROM WAR TO WAR

Abstract

This article reviews the foreign policy of the Russian Emperor Nicholas I in the Eastern question and briefly discusses the key events and the steps taken by Russia in the second quarter of the XIX century, which led the country to the Crimean War. The main attention is paid to how Russia, the former one of the five Great Powers, the vanquisher of Napoleon and the “gendarme of Europe” in the beginning of the century, to the middle of the century came to the position of diplomatic isolation, deprived not only allies in the war against the coalition of European powers, but even benevolent neutrality with by their immediate neighbors. Despite numerous attempts to Nicholas I establish a trust relationship with the UK, it is in the camp of the enemies of Russia. And almost friendly Russian-French relations in the early 1850s because of the Nicholas I principles in compliance with the treaty that ended the era of the Napoleonic Wars, have had a Russian-French rivalry for the opportunity to repair holy places in the Ottoman Empire and became a prologue directly to Crimean War. Briefly descripted as the activities of Russia to maintain the legitimate from the point of view of the Russian Emperor, order and form of government in Austria and the Ottoman Porte under the

European during 1848, when St. Petersburg, actually in opposition to its geopolitical interests, directly (using the armed forces) supported in suppression of anti-Turkish and anti-Austrian insurrections of Slavs. And if the Russian-Turkish contradictions were strong enough, Austria's antagonistic neutrality towards Russia during the Crimean War in the context of the events of 1848-49 can be estimated as a betrayal.

Keywords: The Crimean War, the Eastern Question, Nicholas I, Palmerston, Louis Philippe, Napoleon III

****

Правление Николая I – трагическая страница в истории России. Причем трагическая не столько по своему содержанию, сколько по итогам.

Приняв Россию в статусе Великой державы и победительницы Наполеона, упрочив ее роль в мире как «жандарма Европы», император Николай Павлович оставил ее своему сыну в дипломатической изоляции и в состоянии войны с Великобританией и Францией (не говоря уже про Турцию и Сардинию). Можно сказать, что за 30-летнее правление императора Николая I Россия превратилась из Великой державы, вершившей судьбы мира, в державу региональную, не вполне способную распоряжаться даже собственной судьбой.

Но начало событий, в результате которых Россия почти утратила статус великой державы, приходится на царствование брата Николая – Александра I Павловича. В 1821 г. на борьбу с турецким владычеством поднялись греки, надеявшиеся на поддержку России и Австрии. Обе державы, расценив действия греков как революционные, направленные против законного монарха, ограничились лишь призывами к Турции и Греции прекратить конфликт и воздержаться от кровопролития. Поскольку воззвания не привели к улучшению ситуации, Александр I попытался организовать международное обращение к воюющим сторонам, однако не преуспел.

События, связанные со смертью Александра I и восшествием на престол Николая I, на некоторое время заставили Россию отставить в сторону Восточный вопрос. Однако менее чем через полгода царствования Николай I обратился на Восток со всем вниманием.

Результатом этого стал Лондонский договор 6 июля 1826 г., заключенный между Англией, Францией и Россией, который привел к сражению в Наваринской бухте 20 октября 1827 г. И хотя это было коалиционное

выступление, именно на Петербург более всего ополчился Константинополь. Закрытие Босфора и Дарданелл, задержание торговых судов и другие провокации привели к тому, что 28 апреля 1828 г. Николай I объявил Турции войну. Эта война завершилась Адрианопольским мирным договором 02 сентября 1829 г.

И хотя Е. В. Тарле полагал, что Николай I считал этот договор «недоделанным», его по праву можно назвать одним из наивысших достижений России.

Для России Восточный вопрос означал вопросы о а) безопасности южных границ страны[1]; б) о возможности оперировать на Средиземном море (для чего удобнее всего проводить эскадры через Босфор).

В Адрианопольском договоре об этом не было сказано ни слова. Единственная статья (статья VII), напрямую затрагивающая режим судоходства через проливы, гласит: «ход через Константинопольский канал и Дарданельский пролив совершенно свободен и открыт для российских судов под купеческим флагом, с грузом или с балластом, имеющих приходить из Черного моря в Средиземное или из Средиземного в Черное. Сии суда, если токмо будут купеческие, невзирая ни на величину их, ни на количество их груза, не будут подвергаться ни остановке, ни притеснению, согласно с тем, как выше постановлено». С одной стороны, в тексте подчеркивается, что проливы открыты для торговых судов, никаких прямых ограничений относительно военных судов не называется. В качестве косвенного подтверждения негласного права России проводить свои военные суда через Босфор и Дарданеллы можно привести прибытие в Севастополь из Средиземного моря эскадры П. И. Рикорда в 1833 г.[2]

Второй прорыв был совершен 26 июня (8 июля) 1833 года с подписанием Ункяр-Искелессийского договора по итогам экспедиции русских войск в Босфор для оказания помощи турецкому султану в его противостоянии с египетским пашой Мухаммедом-Али. Данный договор прямо заключал в себе пункт о взаимопомощи между двумя государствами в случае агрессии третьей стороны (ст. I).

В истории русско-турецких отношений в 1799 и 1805 гг. были аналогичные договоры, но первый был направлен против революционной

[1]*Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (История дипломатических отношений в 1697–1710 гг.). Л., 1986. С. 277.

[2]*Арш Г. Л.* Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы) Режим доступа: http://historystudies.org/2012/07/arsh-g-l-admiral-p-i-rikord-i-ego-epopeya-v-grecii-1828-1833-gody/ (Дата обращения: 30.03.2015).

Франции, сопровождался англо-турецким договором и оформлял вступление Турции во II антифранцузскую коалицию, а второй, по сути, подтверждал первый.

Ункяр-Искелессийский договор стал наивысшей точкой русского влияния на Турцию и, увы, началом ее спада.

Учитывая специфику русско-турецких отношений (с конца XVII века минимум семь русско-турецких войн), заинтересованность Европы в судьбе Османской империи и негативное отношение к России, логичнее всего было бы держать русско-турецкие отношения как можно дальше от третьих лиц.

Вместо этого 6 (18) сентября 1833 г. Николай I и австрийский император Франц I подписали в Мюнхенгреце соглашение (инициатива подписания которого происходила от Николая Павловича), где среди ряда вопросов был и вопрос о Турции, провозглашавший стремление сторон к поддержанию в Порте существующего положения вещей, противодействие попыткам египетского паши расширить свою власть и обязательство совместно действовать в случае установления в Турции нового порядка[3]. Чуть позже в Берлине была подписана русско-прусская конвенция 4 (16) октября 1833 г., ознаменовавшая присоединение Пруссии к Мюнхенгрецкой конвенции.

Главный минус данного шага – фактическое гарантирование сохранения территориальной целостности Турции и обязательство принимать решение в случае его изменения только совместно с Берлином и Веной.

Однако, в 1839 г., в связи с новым турецко-египетским конфликтом, как только произошел разрыв между султаном и египетским пашой, европейские кабинеты сразу же приступили к обсуждению оснований для коллективного вмешательства[4]. Вначале предложение Австрии принять участие в переговорах было воспринято в Петербурге вполне доброжелательно, но потом выяснилось, что между Австрией, Пруссией, Англией и Францией существует соглашение, и Николай I предпочел отказаться[5].

Но не введенный в курс дела и не получивший своевременных инструкций наш посол в Константинополе (А. П. Бутенев), уступив насто-

[3]*Горяинов С. М.* Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С-Петебургском Главных Архивах. СПб., 1907. С. 40–41.

[4]Русская политика в восточном вопросе (ея история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки Сергея Жигарёва. М., 1896. Т. 1. С. 177.

[5]Там же. С. 429–430.

яниям Меттерниха, подписал коллективную ноту. В Петербурге посчитали себя обязанными этой подписью и вынуждены были приступить к переговорам[6]. Итогом стала первая Лондонская конвенция 3 июля 1840 г. В ходе обсуждения вопроса, из-за разногласий касательно судьбы Египта, Англия и Франция заняли непримиримые позиции. Пальмерстону удалось убедить свое правительство, пользуясь исключительно удобной для ограничения влияния России на Востоке ситуацией, заключить договор без участия Парижа. В основном он касался принуждения Мехмеда-Али к миру и предъявляемых ему условий. Между тем в историографии (преимущественно отечественной) Лондонская конвенция 1840 г. оценивается как крупная дипломатическая неудача России. Так в «Восточном вопросе…» отмечается, что Николай I и его правительство сознательно преувеличивали значение сложившейся изоляции Франции и закрывали глаза на возможные негативные последствия договора[7]. И действительно: изоляция Франции оказалась недолгой, – в 1841 г. усилиями Пальмерстона Франция была вновь вовлечена в «европейский концерт» и приняла участие в подписании второй Лондонской конвенции.

1 июля 1841 г. Англия, Пруссия, Австрия и Россия подписали конвенцию об окончании действия первой Лондонской конвенции в связи с устранением причин, побудивших султана обратиться к ним за помощью. Согласно новой (Второй Лондонской) конвенции проливы закрывались для всех военных судов всех стран (кроме Турции, конечно), за исключением легких военных судов, следующих в распоряжение дипломатических миссий дружественных держав, которым султан оставляет за собой право давать разрешение на проход через проливы. Наиболее существенным моментом здесь было то, что закрытие проливов оговаривалось следующим условием: «…пока Порта находится в мире…»[8]. Как отмечает С. С. Татищев, если первая конвенция и несла нам определенные выгоды, связанные с англо-французским разрывом, то вторая была откровенно неудачной[9]. Он же чуть ранее отмечает, что равенство между странами, подписавшими конвенцию, было мнимым: среди подписавших только Россия была черноморской державой, а вход и выход

[6]Там же. С. 430.

[7]Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX вв. / Ред. М. И. Штемпель. М., 1978. С. 112.

[8]Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 101.

[9]*Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Перваго: Введение в историю внешних сношений в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 547.

из Черного моря был закрыт для нее одинаково со всеми[10]. Плохо было и то, что Порта могла в любой момент нарушить договор, пользуясь уже упомянутой оговоркой о мире, благо она не содержала никаких уточнений. «Лондонская конвенция о Черноморских проливах 1841 года лишила Россию преимущественного положения в Проливах»[11].

Если подвести итог событиям 1833–1841 годов во внешней политике России, направленным на решение Восточного вопроса, то следует отметить, что, достигнув своей кульминации в Ункяр-Искелессийском договоре, Россия начинает совершать одну за другой непростительные ошибки. Политика, направленная на поддержание консервативных принципов и выхода из дипломатической изоляции (которая не носила абсолютного характера даже в отношениях с Англией и была более чем относительной) практически любой ценой (что было явным преувеличением серьезности ситуации), привела к заключению Лондонских конвенций 1840 и 1841 годов, которые предоставили европейским странам право законного вмешательства в ранее двусторонние отношения между Россией и Турцией в любое время. Сама же Россия при этом получала более чем зыбкие гарантии закрытия проливов для иностранных флотов.

Таким образом, Россия получила взамен реальную опасность открытия Черноморских проливов для флотов иностранных держав в самое неподходящее для себя время, причем со стороны Турции это могло быть оформлено в полном соответствии с конвенцией вступлением в войну с любым противником (коль скоро понятие «в мире» не расшифровывалось).

Сам Николай I, как пишет в своей статье Б. Э. Нольде, «был вполне доволен лондонским договором и не думал об его изменении»[12]. Однако, не ошибался ли Николай в оценке результатов этого документа?

Следует сразу же отметить, что с положительной трактовкой Лондонской конвенции 1841 года для России не соглашаются даже весьма антироссийски настроенные французские историки: А. Дебидур в «Истории 19 века» Лависса и Рамбо пишет: «Россия понимала, что способствуя в союзе с английским правительством унижению Франции, она некоторым образом сама себя одурачила: она утратила выгоды, какие приобрела по договору, заключенному в Ункяр-Искелеси»[13].

---

[10]Там же. С. 534.

[11]*Лаврова Т.* Черноморские проливы – связующее звено Средиземноморского региона (правовые и политические аспекты) // Европейский Альманах. 1997. С. 39.

[12]*Нольде Б. Э.* Босфор и Дарданеллы // Русская мысль. Апр. 1911. С. 12.

[13]История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 4. С. 353.

Если ранее установление режима проливов и его изменение опирались лишь на двусторонние договоры, то теперь даже в случае обоюдного желания со стороны Петербурга и Константинополя изменение режима требовало согласия еще четырех стран или, по крайней мере, трех из них, что было практически невозможно. Тогда как подобные действия европейских держав в союзе с Турцией были вполне вероятны. Нельзя отрицать тот факт, что в подписании злополучных конвенций присутствовал элемент констатации положения России в мире, однако необходимо учесть, что юридическим оформлением этого положения ситуация только усугублялась, поскольку этот акт с одной стороны давал законные права европейским странам для вмешательства.

Была еще одна отрицательная черта конвенции 1841 г.: « Добившись совокупного вмешательства в дела Востока и тем самым отменив исключительное право покровительства России турецкому султану, европейские державы обратили свои взоры и симпатии к Англии, благодаря усилиям которой спасена была Турция и умалено значение России на Востоке»[14].

Если «В конце 30-х годов обозначился спад российского влияния в Стамбуле…»[15], то в 1841 г. это положение было окончательно закреплено.

Исходя из объективной оценки сложившейся ситуации, Россия должна была руководствоваться в дальнейших действиях несколькими моментами: во-первых, необходимостью вернуть утраченные позиции в Турции, а во-вторых, выйти из изоляции, вызванной переориентацией внешней политики Турции, Австрии, Пруссии и Франции на Англию.

Однако сам Николай I имел на этот счет несколько иной взгляд. Считая, что благодаря договорам 1840 и 1841 гг. Францию при решении Восточного вопроса можно сбросить со счетов, он решил, что настало время окончательно разрешить Восточный вопрос и «…путь к откровенному объяснению с Англией был открыт»[16].

И это несмотря на то, что в Англии 30 апреля 1837 года произошло удивительное по своей ясности и откровенности объяснение между российским послом Поццо-ди-Борго и лордом Пальмерстоном, чьи слова определяются «необычайными по откровенной грубости»[17]. Автор при-

[14]Русская политика в восточном вопросе ... С. 1.

[15]*Виноградов В. Н.* «Святые места» и земные дела (англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. № 5. 1983. С. 137.

[16]История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 423.

[17]*Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1950. Т. 1. С.93.

водит часть речи Пальмерстона: «Да, Европа слишком долго спала. Она наконец пробуждается, чтобы положить конец этой системе захватов, которые император (Николай I) желает предпринять на всех границах своей обширной империи»[18]. Ниже Е. В. Тарле, продолжая цитировать Пальмерстона, приводит утверждение о том, что «Англия должна играть роль защитницы независимости наций (от России – *Д.И.*), и если бараны безмолвствуют, – говорить за них обязан пастух»[19].

Пальмерстон не был единственным русофобом в Англии, хотя Николай 1 склонен был именно его стараниям приписывать русско-английские противоречия на Востоке[20]. К числу русофобов относилась и английская королева Виктория[21], которая пользовалась своим первым именем (Александра в честь Александра I) только на коронации и «…расставание с первым именем как бы символизировало полный отказ от сотрудничества с Россией: Виктория на протяжении почти шестидесяти пяти лет своего царствования разделяла воинственно-русофобские взгляды»[22]. Ниже автор ещё раз возвращается к этому моменту: «Пальмерстон наряду с королевой Викторией и послом в Турции Чарльзом Стрэтфордом, получившим звание лорда Рэдклиффа, являлся одним из самых оголтелых ястребов-русофобов»[23].

Изменение ситуации было связано с падением в Англии правительства вигов, в связи с чем Пальмерстон ушел с поста министра, а его кресло статс-секретаря по иностранным делам занял лояльно настроенный к России лорд Эбердин, который считал, что «…по подавляющему большинству вопросов Англия вполне может сговориться с Россией», а занявший кресло премьер-министра Роберт Пиль вообще «слыл русофилом»[24].

Царь приступил к переговорам вскоре по прибытии в Англию в 1844 г. Переехав по приглашению Виктории из Лондона в Виндзор, Николай встретился с Эбердином, с которым и повел разговор об интересующем его предмете: «Турция – умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть, и она умрет. Это будет моментом критическим. Я предвижу, что мне придется заста-

[18]Там же.

[19]Там же.

[20]*Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 г.г. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1. С. 294–295.

[21]*Виноградов В. Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 73.

[22]Там же.

[23]Там же. С.86.

[24]История дипломатии.. С. 423.

вить маршировать мои армии. Тогда и Австрия должна будет это сделать. Я никого при этом не боюсь кроме Франции. Что она захочет? Боюсь, что многого в Африке, на Средиземном море, на самом Востоке. Вспоминаете вы экспедицию в Анкону? Почему Франция не устроит подобную же экспедицию в Кандию, в Смирну? Не должна ли в подобных случаях Англия быть на месте действий со всеми своими людскими силами! Итак, русская армия, австрийская армия, большой английский флот в тех странах! Так много бочек с порохом поблизости от огня! Кто убережет их от того, чтобы искры не зажгли?»[25]. Члены британского кабинета проявили к словам Николая I интерес и недвусмысленно намекали на то, что в случае раздела Турции они хотели бы получить непременно Египет[26].

Была принята своего рода устная программа действий: обе державы поддерживают существование Оттоманской Порты, но в случае ее падения обе державы обязуются согласиться об учреждении нового порядка[27].

Сразу по возвращении в Петербург Николай повелевает Нессельроде составить мемуар (или меморандум, как его чаще называют), в котором надлежало изложить мысли царя о необходимости заблаговременного соглашения на случай распада Турции. Самому Николаю хотелось иметь подписанное Пилем или Эбердином подтверждение их согласия с мнением Николая[28]. В том же 1844 г. Нессельроде составляет соответствующий документ: 1) поскольку Порта неоднократно уклонялась от выполнения своих обязательств, надеясь на разногласия держав, будет полезно объяснить ей ее заблуждение; 2) дать понять Порте, что она может рассчитывать на дружбу и поддержку держав только в случае, если она выкажет «кротость и смирение» по отношению к своим христианским подданным; 3) необходимо заранее условиться на случай распада Порты для избежания неприятностей в дальнейшем[29].

Меморандум был невыгоден России: во-первых, он обязывал Россию согласовывать свои действия с Лондоном, не обязывая англичан к тому же; во-вторых, этот документ, декларировавший мнение России в одно-

[25]*Тарле Е. В.* Крымская война... С. 102–103.

[26]*Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины Х1Х века. М., 1963. С. 226; *Тарле Е. В.* Крымская война ... С. 103.

[27]О тайном соглашении по делам Востока, состоявшемся в 1844 г. между Николаем 1 и Великобританским правительством // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. III. С. 205.

[28]История дипломатии... С. 425.

[29]Сто лет Австрийской политики в Восточном вопросе / Сост. Я. Н. Бутковский. СПб., 1888. Т. 1. С. 18.

стороннем порядке в любой момент мог быть представлен как доказательство очередных захватнических планов России (англичане в 1854 г. толковали его как личное соглашение лорда Эбердина)[30].

Русско-английское сближение оказалось недолгим. В 1848 году пало министерство Роберта Пиля. К власти снова пришли виги. Было сформировано новое министерство, во главе которого встал лорд Джон Россель, просуществовавшее по 1852 год[31]. Министром иностранных дел вновь стал Генри Джон Темпл Пальмерстон, занявший этот пост в третий и последний раз (впоследствии он дважды займет кресло премьер-министра).

Как отмечается в «Истории внешней политики» «…её (России – *Д.И.*) международное положение после кризиса (1833–1841 гг. – *Д.И.*) определённо стало более комфортным. Царской дипломатии все же удалось вывести империю из конфронтационного противостояния с морскими державами», ограничить влияние «сердечного согласия» на мировую политику и утратить необходимость опираться только на Австрию и Пруссию[32].

В 1848 г. Россия помогла преодолеть революционный кризис Турции (оказав помощь в борьбе против восставших славян) и Австрии (против славян же), способствовав сохранению Австрией доминирующих позиций среди германских государств.

Пруссия, не без помощи Петербурга, лишилась всех своих позиций в Германском союзе и, в итоге, находилась, в лучшем случае, на тех же позициях, какие занимала до 1848 г., она была унижена и едва ли питала к России сколь-нибудь добрые чувства.

Что до Австрии, то она, с помощью русских штыков покончив с революционными выступлениями на своей территории и сохранив свою целостность, а с помощью русской дипломатии отвоевав занятые было Пруссией свои былые позиции в Германии, более не нуждалась в помощи Петербурга. Ни революционеры, ни Пруссия не могли в ближайшее время потревожить Вену, а соответственно, не было и необходимости в России. То есть влияние Николая на политику Франца-Иосифа неизбежно должно было ослабнуть.

Таким образом, в результате событий 1848–1849 гг. Николай I не приобрел ни одного союзника, зато лишился сразу двух.

[30]Там же. С. 225–226.

[31]Новая История. М., 1939. Т. 1. С. 283.

[32]История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1999. С. 228.

Настал черед еще одной страны – Франции. И в ней снова произошла революция. Заняться водворением порядка в этой стране Николаю I не удалось, но консервативные силы в самой Франции оказались достаточно сильны. «События 2 декабря 1851 г. (переворот во Франции – *Д.И.*) вызвали у Николая I скорее чувство удовлетворения, чем досаду…»[33]. Однако затем встал вопрос о преобразовании президентства Луи Наполеона в империю Наполеона III, что уже не вызвало приятных эмоций у Николая I. Он заявил, что, став императором, Наполеон станет узурпатором, и какую политику он будет проводить не столь важно, поскольку речь идет о принципе[34].

Вокруг цифры «III» разворачивается интрига. 21 октября Брунов сообщает Пальмерстону, что Николай намерен признать за Наполеоном только лично приобретенную власть, 20 ноября (2 декабря) русское посольство в Вене сообщает в Петербург, что Буоль считает невозможным признавать Бонапарта Наполеоном III и именовать его «братом», как принято среди наследственных монархов[35]. Однако в итоге сложилась оригинальная ситуация: Киселев передал Наполеону аккредитационные грамоты и письмо от Николая I, оформленные в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями (то есть с обращением к Бонапарту как «императору Луи-Наполеону» и со словами «государь и добрый друг» вместо традиционного «дорогой брат»)[36]. Однако ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не последовали этому примеру и поспешили признать вчерашнего президента «императором Наполеоном III» (фактически перечеркнув условия договора в Фонтенбло 1814 г., согласно которым Наполеон I отрекся от французского престола не только за себя, но и за своих сторонников), и «дорогим братом» (согласившись считать нового французского императора равным себе). Как отмечает Нарочницкий, это было сделано с явной целью поссорить Париж и Петербург, поскольку ничто так не страшило Вену и Берлин как франко-русский союз[37]. Николай I оказался единственным из европейских монархов, принявший по отношению к Наполеону III злополучный третий вариант частичного призна-

[33]*Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств от июльской революции во Франции до Парижского мира (1830−1856 гг.): Стенограммы лекций прочитанных в 1944/45 уч. году в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). М., 1946. С. 38.

[34]*Тарле Е. В.* Крымская война... С. 118.

[35]Там же. С. 121–122.

[36]Там же. С. 433.

[37]*Нарочницкий А. Л.* Международные отношения … С.39.

ния его императором. «Кончилось дело тем, что царь сдал свои позиции – признал права не только Наполеона, но и его еще не родившихся на свет потомков, но ухитрился испортить с новым властелином отношения по ничтожнейшему поводу…»[38].

Так потенциально возможный франко-русский союз сменился франко-русским противостоянием, вылившимся в борьбу за право ремонта Святых мест, что, в свою очередь, стало прологом к Крымской войне.

Таким образом, в преддверии Крымской войны Николай I имел против себя враждебно настроенный кабинет в Великобритании, обиженного на него императора Франции, обиженную на него же Пруссию, уже не нуждающуюся в могучей поддержке России Австрию, ослабленные позиции в Порте и Лондонскую конвенцию, которая позволяла ввести в Черное море почти неограниченные иностранные военно-морские силы при соблюдении буквы конвенции.

За 30 лет, последовательно совершив ряд роковых ошибок, сделавших двусторонние русско-турецкие отношения лишь составной частью ряда международных соглашений и конвенций, Николай I заложил фундамент под англо-французское вооруженное вмешательство в русско-турецкую войну 1853 г. и превращение ее в войну коалиционную, в которой Россия оказалась в международной изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

Арш, Григорий Львович. Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы). Режим доступа: http://historystudies.org/2012/07/arsh-g-l-admiral-p-i-rikord-i-ego-epopeya-v-grecii-1828-1833-gody/ (Дата обращения: 30.03.2015).

Берков, Евгений Александрович. Крымская кампания. Москва: Московский рабочий, 1939. 96 с.

Виноградов, Владилен Николаевич. Британский лев на Босфоре. Москва: Наука, 1991. 160 с.

Виноградов, Владилен Николаевич. «Святые места» и земные дела (англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. №5. С. 136–152.

[38]*Берков Е. А.* Крымская кампания. М., 1939. С. 89.

Возгрин, Валерий Евгеньевич. Россия и европейские страны в годы Северной войны (История дипломатических отношений в 1697-1710 гг.). Ленинград: Наука, 1986. 296 с.

Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII -начало XX в. /Ред. М.И. Штемпель. Москва: «Наука», 1978. 436 с.

Горяинов, Сергей Михайлович. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С-Петебургском Главных Архивах. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 355 с.

Зайончковский, Андрей Медардович. Восточная война 1853-1856 г.г. в связи с современной ей политической обстановкой. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. Т.1.

История Х1Х века / Под ред. Лависса и Рамбо. Москва: ОГИЗ, 1938. Т.4.

История внешней политики России: Первая половина Х1Х века. Москва: Международные отношения, 1999. 448 с.

История дипломатии. Москва: ОГИЗ, 1941. Т.1.

Киняпина, Нина Степановна. Внешняя политика России первой половины XIX века. Москва: Высшая школа, 1963. 286 с.

Лаврова, Татьяна Владимировна. Черноморские проливы - связующее звено Средиземноморского региона (правовые и политические аспекты) // Европейский Альманах. 1997. С. 37–53.

Нарочницкий, Алексей Леонтьевич. Международные отношения европейских государств от июльской революции во Франции до Парижского мира (1830−1856 гг.): Стенограммы лекций прочитанных в 1944/45 уч.году в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Москва, 1946. 60 с.

Новая История. Москва: ГОССОЦЭКГИЗ, 1939. Т. 1.

Нольде, Борис Эммануилович. Босфор и Дарданеллы // Русская мысль. 1911. Апр. VII. С. 1−22.

О тайном соглашении по делам Востока, состоявшемся в 1844 г. между Николаем I и Великобританским правительством // Известия министерства иностранных дел. 1912. Кн. III.

Русская политика в восточном вопросе (ея история в XVI−XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки Сергея Жигарёва. Москва: Университетская типография, 1896. Т. 1.

Тарле, Евгений Викторович. Крымская война. Москва: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.

Татищев, Сергей Спиридонович. Внешняя политика императора Николая Перваго: Введение в историю внешних сношений в эпоху Севастопольской войны. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. 698 с.

REFERENCES

Arsh, Grigoriy L´vovich. *Admiral P.I. Ricord i ego epopeya v Grecii (1828−1833 gody) [Admiral PI Rikord and his saga in Greece (1828−1833 years)*] URL: http://historystudies.org/2012/07/arsh-g-l-admiral-p-i-rikord-i-ego-epopeya-v-grecii-1828-1833-gody/ (Date of treatment: 30.03.2015). [In Russian]

Berkov, Evgenii Aleksandrovich. *Krimskaya kampanija [Crimean campaign]*. Moscow: Moscow Worker Publ., 1939. 96 p. [In Russian]

Vinogradov, Vladilen Nikolaevich. *Britanskii lev na Bosfore [British lion on the Bosphorus]*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 160 p. [In Russian]

Vinogradov, Vladilen Nikolaevich. "Svjatie mesta" I zemnije dela (anglo-russkije otnoshenija makanune Krimskoi voini) ["Holy places" and earthly affairs (Anglo-Russian relations on the eve of the Crimean War)], in *Novaja I noveishaja istorija*. 1983. № 5. P. 136−152. [In Russian]

Vozgrin, Valerij Evgen´evich. *Rossija i evropeiskije strain v godi Severnoj voini (Istorija diplomaticheskih otnoshenij v 1697−1710) [Russia and European countries during the Great Northern War (History of diplomatic relations in 1697−1710 years)]*. Leningrad: Nauka Publ., 1986. 296 p. [In Russian]

Russia and European countries during the Great Northern War (History of diplomatic relations in 1697-1710 years) [Eastern Question in Russian foreign policy end of the eighteenth-early twentieth century] / Red. M. I. Shtempel. Moscow: Nauka Publ., 1978. 436 p. [In Russian]

Gorjainov, Sergey Mokhailovich. *Bosphor i Dardanelli. Issledovanie voprosa o prolivah po diplomaticheskoi perepiske, khranjascheisja v Gosudarstvennom i Sankt-Peterburgskom Glavnikh Arhiviah [Bosporus and Dardanelles. A study on the straits in the diplomatic correspondence stored in the State and C-St-Petersburg Home Archives]*. Saint-Petersburg: Tipographiya I. N. Skhorohodova Publ., 1907. 355 p. [In Russian]

Zajonchkovskij, Andrej Medardovich. *Vostochnaya vojna 1853−1856 gg. v svyazi s sovremennoj ej politicheskoj obstanovkoj [Eastern War 1853−1856 in connection with her contemporary political situation]*. Saint-Petersburg: Ehkspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1908. V.1. [In Russian]

Istoriya XIX veka [History of the XIX century] / Pod red. Lavissa i Rambo. Moscow: OGIZ, 1938. V.4.

Istoriya vneshnej politiki Rossii: Pervaya polovina XIX veka [The history of Russia's foreign policy: First half of the XIX century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 448 p. [In Russian]

Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. Moscow: OGIZ Publ., 1941. V.1. [In Russian]

Kinyapina, Nina Stepanovna. *Vneshnyaya politika Rossii pervoj poloviny XIX veka [The foreign policy of Russia in the first half of the XIX century]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1963. 286 p. [In Russian]

Lavrova, Tat'yana Vladimirovna. Chernomorskie prolivy − svyazuyushhee zveno Sredizemnomorskogo regiona (pravovye i politicheskie aspekty) [Black Sea Straits − link the Mediterranean region (the legal and political aspects)], in *Evropejskij Al'manakh*. 1997. P. 37–53. [In Russian]

Narochnitskij, Aleksej Leont'evich. *Mezhdunarodnye otnosheniya evropejskikh gosudarstv ot iyul'skoj revolyutsii vo Frantsii do Parizhskogo mira (1830−1856) [International relations of the European states of the July Revolution in France until the Treaty of Paris (1830−1856 years)]*: Stenogrammy lektsij prochitannykh v 1944/45 uch.godu v Vysshej shkole partorganizatorov pri TSK VKP(b). Moscow Publ., 1946. 60 p. [In Russian]

Novaya Istoriya [A New History]. Moscow: GOSSOTSEHKGIZ Publ., 1939. T. 1. [In Russian]

Nol'de, Boris EHmmanuilovich. Bosfor i Dardanelly [The Bosphorus and the Dardanelles] // *Russkaya mysl'*. 1911. Apr. VII. P. 1−22.

O tajnom soglashenii po delam Vostoka, sostoyavshemsya v 1844 g. mezhdu Nikolaem I i Velikobritanskim pravitel'stvom [On a secret agreement for the East, held in 1844 between Nicholas I British Government], in *Izvestiya ministerstva inostrannykh del*. 1912. Book III.

Russkaya politika v vostochnom voprose (eya istoriya v XVI-XIXH vekakh, kriticheskaya otsenka i budushhie zadachi): Istoriko-yuridicheskie ocherki Sergeya Zhigaryova [Russian policy in the Eastern question (Her story XVI-XIX centuries, critical assessment and future challenges): Historical and legal essays of Sergei Zhigarëv]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1896. V. 1. [In Russian]

Tarle, Evgenij Viktorovich. *Krymskaya vojna [The Crimean War]*. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1950. V. 1. [In Russian]

Tatishhev, Sergej Spiridonovich. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya Pervago: Vvedenie v istoriyu vneshnikh snoshenij v ehpokhu Sevastopol'skoj vojny [Foreign Policy Emperor Nicholas the First: Introduction to the history of foreign relations in the era of the Sevastopol war]*. Saint-Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova Publ., 1887. 698 p. [In Russian]